

— Мы с дочерью давно не виделись, поэтому некоторая отстранённость естественна, — Силина прижалась к Янь Чжию, её соблазнительное тело невзначай касалось его руки.

В обычное время Янь Чжию, конечно, был бы рад такому вниманию, но сегодня он был расстроен и раздражён.

К тому же, после обвинений со стороны матери и дочери, даже если бы он был жаждущим удовольствий человеком, сейчас у него не было такого настроения.

Янь Чжию незаметно вытащил руку из объятий Силины и уже собирался что-то сказать, как она снова заговорила:

— Когда Ахэн только приехала в большой двор, она тоже не сразу привыкла. Когда мы сблизимся, она, возможно, станет ко мне привязываться.

Силина смотрела на Янь Чжию, мягко и нежно говоря. Она, казалось, совсем не обращала внимания на его холодность, всё так же смотрела на него, как на своего возлюбленного.

Она не верила, что несколько детских слёз смогут перевесить её усилия. Сегодня она обязательно заберёт Янь Юхэн с собой — это было её гарантией на будущее.

— Ахэн не привыкала к большому двору, потому что её обижали. Теперь, когда она наконец адаптировалась, зачем снова подвергать её испытаниям в новом месте?

Силина украдкой наблюдала за выражением лица Янь Чжию, и, увидев, что её слова достигли цели, уже собиралась продолжить, как вдруг раздался другой голос.

Оба вздрогнули и обернулись. В дверях, освещённая светом сзади, стояла девочка.

Она опиралась на деревянную дверь, её лицо было холодным, и невозможно было понять, что она чувствует.

— Гао Тин? — Янь Чжию удивился, только сейчас поняв, что его неловкость была замечена этой девочкой.

Гао Тин сказала:

— Я услышала, как Ахэн плачет, и пришла посмотреть.

Она вошла в комнату и, идя к ним, добавила:

— Я пойду проведу Ахэн, дядя Янь, может, пойдёте со мной?

Янь Чжию машинально покачал головой. После того, как дочь отвергла его, он боялся, что, если подойдёт к ней сейчас, это только расстроит её.

— Сходи к Ахэн, я... мне нужно уйти, — с некоторым смущением, но мягко сказал он Гао Тин.

Сказав это, он оставил Силину и вышел за дверь.

Силина, которая умоляла его всё это время, так и не получила чёткого ответа, и её улыбка едва держалась.

— Тётя, Ахэн не захочет уходить с вами, — Гао Тин, проходя мимо Силины, подняла голову и

сказала ей это.

Силина, не найдя, куда выплеснуть гнев, была готова накричать на неё.

— Ты, ребёнок... — её взгляд упал на Гао Тин, и она была поражена её холодным взглядом.

Как у ребёнка, который едва доходил ей до пояса, мог быть такой взгляд?

Это был взгляд человека, который долгое время находился у власти, холодный и безжалостный, словно он смотрел на какого-то ничтожества.

Силина боялась таких взглядов. Они мгновенно разрушали все её защитные механизмы, оставляя её голой и уязвимой. Ей приходилось осознавать, что, как бы она ни пыталась возвыситься, как бы ни старалась выглядеть важной, под таким взглядом она была ничем.

Она была всего лишь жалкой женщиной, живущей за счёт мужчин.

Она не понимала, почему у Гао Тин был такой взгляд, но если бы Янь Юхэн была здесь, она бы всё поняла.

Гао Тин была не такой, как Силина, и не такой, как Янь Юхэн.

Она родилась с золотой ложкой во рту, но, не успев насладиться жизнью, столкнулась с семейной трагедией. Ей пришлось взять на себя ответственность за всю семью Гао в столь юном возрасте, и она уже прошла через многое.

Даже если она обычно казалась милой и мягкой, в моменты угрозы её истинная сущность проявлялась.

Это была её природа.

Как у волка — разве он перестанет есть мясо, если проживёт пару лет в спокойствии?

...

Когда Гао Тин увидела Янь Юхэн, та лежала на руках у бабушки и смотрела мультфильм.

Это были те самые диски, которые Гао Тин подарила ей в больнице. Увидев Гао Тин, Янь Юхэн подняла глаза и улыбнулась.

— Гао Тин, давай смотреть вместе!

Они ещё не начали изучать английский, и Янь Юхэн старалась привить Гао Тин привычку к языку, часто приглашая её смотреть мультфильмы.

«Нужно же расти вместе с сыном!» — подумала Янь Юхэн.

Гао Тин села рядом, взяла её пухлую руку и положила себе на колени.

— Ахэн, ты уйдёшь? — спросила она тихо, с ноткой обиды в голосе.

Её жалобный вид вызывал желание обнять её и крепко прижать.

Янь Юхэн так и сделала. Она протянула обе руки и ущипнула мягкие щёчки Гао Тин,

удовлетворённо ответив:

— Нет.

Бабушка Янь, наблюдая за детьми, наконец улыбнулась.

— Гао Тин, ты не хочешь, чтобы Ахэн уходила? — ласково спросила пожилая женщина.

— Угу, — кивнула Гао Тин, не отпуская руку Янь Юхэн, пока та щипала её за щёки.

— Бабушка тоже не хочет, чтобы Ахэн уходила. Бабушка не позволит ей уйти, — сказала бабушка Янь, погладив голову Янь Юхэн, а затем и Гао Тин. — Я уже старая, и мне хочется, чтобы все внуки были рядом, чтобы я могла спокойно наблюдать, как вы растёте.

...

Вечером, после ужина, Силина, сменив платье, сидела на диване, вежливая и сдержанная, так что никто не мог найти в её поведении ни одной ошибки.

Бабушка Янь, увидев это, вздохнула.

В конце концов, это была мать Ахэн и бывшая жена сына, и она, старая женщина, не могла быть слишком суровой.

Бабушка Янь сказала старушке Лу:

— Отведи её в гостевую комнату на втором этаже.

Старушка Лу согласилась и подошла к Силине. После утреннего инцидента она почему-то начала испытывать перед ней странный страх.

Дело Се Цицю ещё не было закрыто, и, если бы не сегодняшний хаос, всё бы не закончилось так легко.

Силина, услышав слова старушки Лу, встала и направилась к бабушке Янь.

— Спасибо, мама.

— Не называй меня так, я не заслуживаю этого, да и тебе не нужно так меня называть, — холодно ответила бабушка Янь, сидя на стуле и даже не взглянув на неё.

Силина стиснула зубы и последовала за старушкой Лу наверх.

Её комната находилась рядом с комнатой Янь Юхэн, и, поднимаясь, она встретила её.

Янь Юхэн, увидев её, даже не взглянула в её сторону, с грохотом захлопнув дверь своей комнаты.

Силина, никогда не сталкивавшаяся с таким отношением, тут же начала задыхаться от гнева.

...

Янь Юхэн ворочалась в постели, не могла уснуть, думая о событиях дня.

Силина настаивала на том, чтобы забрать её, и сейчас у неё не было сил сопротивляться. Без

защиты отца и бабушки она не могла противостоять Силине.

Эта женщина была более ядовитой, чем змея, и Янь Юхэн, зная её много лет, понимала, что та не сдастся так легко и обязательно найдёт способ забрать её.

Значит, она не могла расслабляться и должна была быть начеку.

Сегодня, используя своё знание Силины, она смогла быстро вызвать гнев бабушки и отца.

Теперь они не так легко отдадут её Силине, ведь, видя, как та холодна к своей дочери, они не могли быть спокойны.

Думая об этом, Янь Юхэн чувствовала, как сердце сжимается от страха. В этой жизни, чтобы жить спокойно, она не должна была попасть в руки Силины — это был первый шаг к изменению её судьбы.

Постепенно её мысли успокоились, и она, держась за уголок одеяла, уснула.

Дверь на балкон была приоткрыта, и прохладный летний ветерок приятно обдувал комнату. Однако Янь Юхэн спала беспокойно, её мозг был заполнен хаотичными мыслями.

У Янь Юхэн была одна особенность: она обычно спала очень крепко, и её было трудно разбудить. Но она была очень чувствительна к свету — стоило включить лампу, и она сразу просыпалась.

Она смутно дремала, но ей казалось, что перед глазами что-то ярко светится, заставляя её открыть глаза.

Едва она приподняла веки, как увидела, что в темноте на неё накидывают платок.

Янь Юхэн вздрогнула, задержав дыхание. Если бы не открытая дверь на балкон, через которую проникал лунный свет, она бы ничего не увидела.

В её комнате стоял мужчина!

Откуда он взялся?

В туманном взгляде Янь Юхэн она также заметила, что за мужчиной стоял ещё один человек.

Тот человек держал в руке фонарик, и именно его свет разбудил Янь Юхэн.

<http://bllate.org/book/16703/1534295>